

УДК [(811.161.1+811.112.2+811.133.1)'42] (045)

А. В. Шаколо

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков,
УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПОКОРНОСТЬ» В НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ВАРИАНТАХ СКАЗКИ «КРАСНАЯ ШАПОЧКА»

Статья посвящена установлению сходств и различий в немецкой и французской лингвокультурах посредством анализа лексической репрезентации концепта «покорность» в сказке братьев Гримм «Rotkäppchen» и в сказке Ш. Перро «Le Petit Chaperon rouge». Концепт «покорность» играет важную роль в сказочном дискурсе. В ходе исследования выявлена следующая закономерность: в немецком варианте сказки «Красная шапочка» концепт «покорность» (Gehorsamkeit) представлен в большем лексическом объеме, чем аналогичный французский концепт (obéissance) в варианте Ш. Перро; отражение концепта в немецком тексте более выраженное. Кроме того, наблюдается смещение акцента на концепт «благопристойность» (bienséance) во французском варианте сказки.

Ключевые слова: концепт; лексическая репрезентация; сказочный дискурс; покорность; благопристойность.

Введение

В современной лингвистике прослеживается интерес к исследованиям средств репрезентации концептов, поэтому анализ средств лексической репрезентации концепта «покорность» как лингвокультурной реалии является актуальным. Цель нашего исследования – установить сходства и различия в немецкой и французской лингвокультурах посредством анализа лексической репрезентации концепта «покорность» в немецком и французском вариантах сказки «Красная Шапочка».

В нашем исследовании мы опирались на труды таких ученых, как Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, В. И. Карасик, В. Я. Пропп, Ю. С. Степанов, В. И. Коваль, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Д. И. Илиева, И. Е. Колесникова, С. А. Толстик, Дж. Фрэнсер, С. Вебер, Д. Фрей.

Методы и методология исследования

Методы, которые были использованы в статье: описательный, сравнительно-сопоставительный. Материалом исследования послужили сказка Я. и В. Гримм «Rotkäppchen» и сказка Ш. Перро «Le Petit Chaperon rouge» – немецкий и французский варианты известной во всем мире сказки, тексты которых сопоставляются и анализируются нами в ходе исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

В трудах современных лингвистов «покорность» рассматривается как важнейший концепт языковой картины мира как славянских, так и неславянских народов. Так, Д. И. Илиева в своей работе «Ядро концепта «власть» и его приядерная зона со смысловым концептом «подчинение» сквозь призму болгарских паремий» анализирует «покорность» как фрагмент ядерной части концепта «власть» [1]. И. Е. Колесникова сопоставляет особенности концепта «покорность» в украинской и английской лингвокультурах на примере фразеологических единиц, выражающих черты характера человека [2]. С. А. Толстик выявляет особенности формирования концепта «покорный/покорность» в русинском языке на протяжении нескольких столетий [3].

Концепт «покорность» широко представлен в художественном, религиозном, общественно-политическом дискурсах, фразеологии, паремиологии и пр.; также он является ключевым понятием сказочного дискурса. Мораль сказок зачастую апеллирует к покорным, послушным детям, беспрекословно выполняющим просьбы родителей, уважительно относящимся к старшим и т. д. Для выявления понятийных характеристик концепта «покорность» в немецком (Gehorsamkeit) и французском (obéissance) языках обратимся к словарным дефинициям. В словаре немецкого языка покорность определяется как «готовность делать все, чего желают родители, учителя и др.; послушность» (нем. «Bereitschaft, alles zu tun, was Eltern, Lehrer usw. wünschen; Artigkeit») [4, с. 337].

В словаре французского языка покорностью назван «акт послушания, принятия авторитета; поведение подчиненного человека» (фр. «Action de se soumettre, d'accepter une autorité; attitude d'une personne soumise») [5].

Проанализируем лексическую репрезентацию концепта «покорность» в немецком тексте братьев Гримм.

При описании главной героини она названа 'славной и милой девчурочкой' [6, с. 114] (нем. *ein kleines süßes Mädchen, das hatte jedermann lieb, der sie nur ansah* [7]), что может указывать также и на то, что Красная Шапочка была послушным ребенком. Перед тем, как отправиться к бабушке, немецкая Красная Шапочка получает подробные инструкции от матери, выраженные шестью глаголами в форме повелительного наклонения: 'возьми этот кусок пирога и бутылку вина', 'отнеси бабушке', 'выходи из дома до наступления жары', 'когда выйдешь, ни с кем не говори и в сторону от дороги не забегай', 'когда к бабушке придешь, не забудь с ней поздороваться, а не то чтобы сначала во все уголки заглянуть, а потом уж к бабушке подойти' [6, с. 114]. Немецкий текст: *Komm, da hast du ein Stück Kuchen und eine Flasche Wein, bring das der Großmutter hinaus; mach dich auf, bevor es heiß wird, und wenn du hinauskommst, so geh hübsch sitzsaftig und lauf nicht vom Wege ab, und wenn du in ihre Stube kommst, so vergiss nicht guten Morgen zu sagen und guck nicht erst in allen Ecken herum!* [7]. Русский текст (дословно): *Сходи отнеси бабушке кусок пирога и бутылку вина; выходи из дому до наступления жары, не заговаривай ни с кем, не сворачивай в сторону с дороги, а когда войдешь к ней в комнату, то не забудь с ней поздороваться, не заглядывая первым делом во все углы!* Отметим, что три из шести глаголов в форме императива представляют собой запреты, что усиливает назидательный характер слов матери. Более того, в оригинальном тексте глаголов в повелительном наклонении семь, четыре из них выражают запрет.

Девочка, отвечая на слова матери, обещает 'все справить как следует' [6, с. 114], нем. *schon alles richtig machen* [7]. Однако уже в скором времени главная героиня встречается в лесу волка и нарушает сначала первый, а затем и второй запреты (не заговаривать с незнакомцами и не уходить с тропинки) [6, с. 114–116].

В. Я. Пропп в своем труде «Исторические корни волшебной сказки» называл нарушение родительских запретов детьми движущей силой завязки волшебных сказок: «Родители, уезжая сами или отпуская дитя, сопровождают эту отлучку запретами, которые, разумеется, нарушаются» [8, с. 194]. Ссылаясь на исследование Дж. Фрэзера, В. Я. Пропп также утверждает, что волшебные сказки сохранили все виды запретов, касающихся когда-то королевской семьи: «запрет света, взгляда, пищи, соприкосновения с землей, общения с людьми» [8, с. 199]. Как видим, запрет общения в сказке «Красная шапочка» мог иметь исторические предпосылки, о чем непосредственно идет речь в «Золотой ветви» Дж. Фрэзера, в которой целый параграф одной из глав посвящен существовавшему в древности табу на общение с иноплеменниками: «вступая в незнакомую страну, путешественник испытывает чувство, что идет по заколдованной земле, и принимает меры для того, чтобы оградить себя от демонов, обитающих на ней, и магических способностей ее жителей» [9, с. 256].

Красная Шапочка 'не знала, что это за лютой зверь и ничуть не испугалась' [6, с. 114], нем. *Rotkäppchen aber wusste nicht, was das für ein böses Tier war, und fürchtete sich nicht vor ihm* [7]. Девочка не только вежливо беседует с волком ('Спасибо тебе на добром слове' [6, с. 114], нем. *Schönen Dank, Wolf!* [7]), но и рассказывает ему, куда и к кому идет. Иными словами, волк без особого труда, практически сразу в подробностях узнает, где живет бабушка главной героини. Чтобы получить всю необходимую информацию, антагонист задает три вопроса: 1) 'Куда это ты так рано выбралась?' [6, с. 114], нем. *Wo hinaus so früh, Rotkäppchen?* [7]; 2) 'А что ты несешь под фартучком?' [6, с. 114], нем. *Was trägst du unter der Schürze?* [7]; 3) 'Где живет твоя бабушка?' [6, с. 114], нем. *Rotkäppchen, wo wohnt deine Großmutter?* [7].

Далее волк предлагает Красной Шапочке обратить внимание на красоту цветов и пение птиц вокруг, в шутовском уворе сравнивая ее со слишком прилежной школьницей, в то время как в лесу, по его словам, можно весело провести время [6, с. 116; 7]. В данном случае видим, как волк формулирует для главной героини модель поведения, противоположную той, которая предлагалась матерью, воплощая тем самым образец непослушания. Девочка нарушает второй запрет матери (не уходить с тропинки), оправдывая это благими намерениями: 'Если бы я принесла бабушке свежий букет цветов, это бы ее тоже порадовало, сейчас же еще так рано, что я успею к ней прийти вовремя' [6, с. 116]. Немецкий текст: *Wenn ich der Großmutter einen frischen Strauß mitbringe, der wird ihr auch Freude machen; es ist so früh am Tag, dass ich doch zu rechter Zeit ankomme* [7].

Из текста видим, что нарушение обоих запретов матери главная героиня воспринимает не как прямой акт неповиновения: волка она считает любезным обитателем леса, которому можно доверять, а с тропинки сворачивает, чтобы порадовать бабушку не только пирогом и вином, но и цветами. Однако именно эти действия в итоге приводят к фатальным последствиям: пока Красная Шапочка

собирает букет для бабушки, волк съедает бабушку и остается у нее дома в ожидании 'маленькой, нежной девочки – славного кусочка, почище, чем старуха' [6, с. 116], нем. *das junge, zarte Ding, das ist ein fetter Bissen, der wird noch besser schmecken als die Alte* [7], – именно так в своих мыслях лесной зверь описывает девочку в немецком тексте.

Когда главная героиня приходит к бабушке домой, ее настораживает настезь открытая дверь и странный вид комнаты, однако, несмотря на страх, указание матери поздороваться при входе Красная Шапочка не забывает [6, с. 116]. Волк не отвечает на приветствие, девочка задает вопросы о внешности мнимой бабушки, после вопроса о большом рте [7, с. 116] он ее съедает.

В немецкой сказке история завершается не гибелью бабушки и девочки (как это происходит в версии Шарля Перро), а чудесным спасением обеих благодаря бдительному охотнику, который услышал невероятно громкий храп волка. Называя зверя 'старым греховодником' [6, с. 117], – нем. *alter Sünder* [7], – охотник сначала освобождает Красную Шапочку и бабушку, а затем они избавляются от волка.

Главная героиня подводит итог: 'Ну уж теперь я никогда не стану в лесу убегать в сторону от большой дороги – не послушаюсь больше матушкиного приказанья' [6, с. 117]. Немецкий текст: *Du willst dein Lebtag nicht wieder allein vom Wege ab in den Wald laufen, wenn dir's die Mutter verboten hat* [7]. Тем самым она высказывается о раскаянии за нарушение второго запрета матери, не упоминая о первом (не заговаривать с незнакомцами). Примечательно также, что в тексте оригинала, в отличие от русского перевода, Красная Шапочка озвучивает усвоенную истину не от первого лица, а обращаясь к самой себе на «ты», воспроизводя тем самым речь взрослого, призывающего ребенка к послушному поведению. Подобный взгляд со стороны особенно подчеркивает назидательный характер немецкой сказки и центральное положение в ней концепта «покорность».

В дополненной версии сказки братьев Grimm вопрос первого запрета также закрывается, поскольку там девочка встречает другого волка, но уже не заговаривает с ним и не сворачивает с дороги, а целенаправленно идет к бабушке. Затем главная героиня рассказывает пожилой женщине о новой встрече с лесным обитателем, и они уже без помощи охотника справляются с волком, утопив его в корыте [7]. Данный вариант сказки завершается словами: *Rotkäppchen ging fröhlich nach Haus, und von nun an tat ihm niemand mehr etwas zuleide* [7] (дословно: 'Красная Шапочка радостно пошла домой, и с того дня никто ее больше не обижал').

Анализируя данную сказку братьев Grimm с точки зрения психологии и социологии, немецкий исследователь Сабина Вебер отмечает, что в ней можно выделить три лейтмотива: обещание, доверие и просоциальное поведение [10, с. 72–75]. Как видим из текста немецкой сказки, обещание нарушается, доверие оказывается подорванным, однако просоциальное поведение главной героини поощряется и подчеркивается важность таких черт характера, как покорность, послушность, ответственность, бдительность.

В «Красной Шапочке» братьев Grimm, согласно В. И. Ковалю, с утверждением которого мы солидарны, из текста исчезает морализаторство Ш. Перро на тему взаимоотношений полов (как и явные эротические мотивы). В немецкой версии, в отличие от французской, Красная Шапочка нарушает в первую очередь наказ матери (а не приличия), которая просит дочь идти к бабушке, не отвлекаясь по дороге ни на кого и ни на что; мораль сказки в виде горького опыта девочки – в первую очередь предупреждение для непослушных детей [11, с. 12]. Характерна для немецкой сказки и рамочная конструкция повествования: действие начинается с материнского наставления, им же и завершается, однако озвучивает его во второй раз уже главная героиня [6, с. 117; 7].

Поведем анализ лексической репрезентации концепта «покорность» во французском тексте Ш. Перро.

Отметим, вслед за В. И. Ковалем, что Ш. Перро, взяв за основу своей сказки средневековый народный сюжет, который был популярен в Западной Европе, литературно его обработал в сторону смягчения: исключены мотивы жестокого убийства кошки, грубого каннибализма и откровенной эротики; введена такая деталь, как головной убор главной героини (ср. цветовая символика красного как знака половой зрелости, страсти и пр.), а сам сюжет переосмыслен в нравоучительном ключе [11, с. 11]. Девочка расплачивается за нарушение приличий, стихотворная мораль после текста сказки призывает юных дам остерегаться коварных соблазнительей, тем самым подчеркивается обращение к вопросу не столько покорности и послушания, сколько к благопристойности.

Подтверждение вышесказанному находим и в тексте сказки. В начале французского варианта так же, как и в немецком, дается положительная характеристика девочки: 'Жила когда-то в одной деревне девочка, до того хорошенькая, что другой такой не было на свете; мать без памяти любила ее,

а еще больше любила ее бабушка' [12, с. 29]. (Французский текст: *Il était une fois une petite fille de Village, la plus éveillée qu'on eût su voir: sa mère en était folle, et sa mère-grand plus folle encore.* [13, с. 3].

Далее мать просит девочку сделать следующее: 'Сходи проведай бабушку – я слышала, что она больна. Отнеси ей лепешку и горшочек масла' [12, с. 29]. (Французский текст: *Va voir comment se porte ta mère-grand, car on m'a dit qu'elle était malade. Porte-lui une galette et ce petit pot de beurre.* [13, с. 3–4].

Лексически концепт «покорность» представлен здесь, как видим, только одним указанием: отнести масло и выпечку заболевшей бабушке. Данное указание выражено двумя глаголами в форме императива.

В лесу французская Красная Шапочка встречается волка, который желал съесть ее там же, но испугался дровосеков [12, с. 30; 13, с. 4]. Волк задает девочке два вопроса: 'Куда ты идешь?' и 'Далеко ли живет бабушка?' [12, с. 30]. (Французский текст: 1) *Il lui demandé où elle allait.* 2) *Demeure-t-elle bien loin?* [13, с. 4]). Тот факт, что главная героиня остановилась в лесу, заговорила с волком и ответила на его вопросы, объясняется в сказке тем, что 'бедное дитя не знало, как опасно останавливаться в пути слушать волка' [12, с. 30] (оригинал: *La pauvre enfant, qui ne savait pas qu'il était dangereux de s'arrêter à écouter un loup* [13, с. 4]). В отличие от немецкого варианта, в сказке Ш. Перро мать девочки прямым текстом не запрещала ей заговаривать с кем-либо или сворачивать с тропинки, однако последствия действий Красной Шапочки от этого не менее фатальны.

Волк во французской сказке не предлагает девочке насладиться красотой цветов, а открыто заявляет о своем намерении также навестить ее бабушку и предлагает посоревноваться с ним в скорости: *Je veux l'aller voir aussi: je m'y en vais par ce chemin-ci, et toi par ce chemin-là; et nous verrons à qui plus tôt y sera* [13, с. 4]. Русский текст: 'Я тоже пойду проведу ее; я пойду этой дорогой, а ты пойдешь той, и мы посмотрим, кто придет раньше' [12, с. 30].

Далее волк, добравшийся до бабушки первым, съедает ее и ждет появления Красной Шапочки. Девочку настораживает не распахнутая настежь дверь (во французской версии волк ее закрыл), а странный голос бабушки, однако, вспомнив, что бабушка простужена, главная героиня успокаивается [12, с. 30; 13, с. 6]. Волк, смягчив голос, обращается к девочке: 'Лепешку и горшочек с маслом поставь на сундук, а сама иди, ляг со мной' [12, с. 30]. (Оригинал: *Mets la galette et le petit pot de beurre sur la huche, et viens te coucher avec moi* [13, с. 7].)

Красная Шапочка, думая, что выполняет просьбу бабушки (снова два глагола в форме повелительного наклонения), раздевается и ложится в постель [12, с. 30; 13, с. 7]. С одной стороны, в данном фрагменте Ш. Перро сохранил эротические мотивы сюжета средневековой народной притчи, с другой – в средневековом первоисточнике волк также потребовал, чтобы девочка сожгла свою одежду, чего в тексте сказки нет [11, с. 11]. Так или иначе, это существенное различие между французским и немецким вариантами, поскольку в версии братьев Grimm волк, выдавая себя за бабушку, не только не просил девочку ни о чем, но и не заговаривал с ней вовсе по своей инициативе, а лишь отвечал на вопросы о внешности.

В данном отрывке Красная Шапочка ведет себя покорно и выполняет указания волка в образе бабушки, однако затем главную героиню настораживает внешний вид женщины: 'ее немало удивило, каков у бабушки вид, когда она раздета' [12, с. 30] (фр. *elle était bien étonnée de voir comment sa mère-grand était faite en son déshabillé* [13, с. 7]). Девочка задает волку вопросы о внешности, после вопроса о больших зубах волк ее съедает, на чем французский вариант сказки завершается [12, с. 31; 13, с. 8].

После основного текста следует стихотворная мораль автора, посвященная, в первую очередь, 'девицам, красавицам и баловницам', которым следует опасаться волков [12, с. 31] (фр. *jeunes filles Belles, bien faites, et gentilles* [13, с. 8]). Под волком подразумевается коварный соблазнитель, который может скрываться под маской галантного кавалера: 'Но волк, увы, чем кажется скромней, тем он всегда лукавей и страшней!' [12, с. 31]. Французский текст (антитеза имеет место и в оригинале): *Mais hélas! qui ne sait que ces loups doucereux, de tous les loups sont les plus dangereux* [13, с. 8]. Глаголом 'съесть, скушать' (фр. *manger*) автор недвусмысленно намекает на соблазнение и совершение насилия [11, с. 11] над девушками со стороны аморальных представителей сильного пола: *Font très mal d'écouter toute sorte de gens, et que ce n'est pas chose étrange, s'il en est tant que le Loup mange* [13, с. 8]. Русский текст: 'В пути встречая всяческих мужчин, нельзя речей коварных слушать, – иначе волк их может скушать' [12, с. 31].

Данная мораль органично вписывается в текст французской сказки, поскольку Ш. Перро в ней на первый план выводит не образ послушного, ответственного, исполнительного ребенка, а образ юной благопристойной девушки, способной соблюдать приличия, которые в первую очередь касаются взаимоотношений между полами. Французская Красная Шапочка, в отличие от немецкой, нарушила

не наказ матери [11, с. 12], а приличия, доверившись незнакомцу (под которым Ш. Перро явно подразумевает коварного обольстителя, подтверждая это моралью), за что и поплатилась.

Следовательно, во французском тексте мы можем говорить лишь об имплицитном выражении концепта «покорность». Во-первых, в лексическом плане это отражено в отсутствии вербализованных запретов со стороны матери главной героини, равно как лишь одним ее указанием в виде двух глаголов в форме повелительного наклонения. Во-вторых, акцент в сказке Ш. Перро смещается с концепта «покорность» (фр. *obéissance*) в сторону концепта «благопристойность» (фр. *bienséance* – благопристойность, приличие). В словаре французского языка благопристойность определяется как «общественное поведение, соответствующее обычаям, уважение устоявшихся норм» (фр. «Conduite sociale en accord avec les usages, respect de certaines formes») [5].

Важная роль данного концепта проявляется в момент встречи девочки с волком, во время ее общения с ним в образе пожилой женщины (когда Красная Шапочка выполняет его указания, принимая за свою бабушку), а также в стихотворной морали автора, где тот окончательно отождествляет образы волка и соблазнителя [12, с. 30–31; 13, с. 4–8].

Заклучение

Обобщая вышесказанное, отметим следующее: в результате анализа средств лексической репрезентации концепта «покорность» в немецком и французском вариантах сказки «Красная шапочка» были установлены сходства и различия в немецкой и французской лингвокультурах, восходящие к особенностям менталитета немцев и французов. К сходствам следует отнести значимость концепта «покорность» (*Gehorsamkeit* и *obéissance*) для обеих лингвокультур, важная роль таких личностных качеств, как дисциплинированность, исполнительность, ответственность. Вместе с тем, отмечается смещение акцента на концепт «благопристойность» (*bienséance*) во французской лингвокультуре, подразумевающее соблюдение приличий, в первую очередь касающихся отношений между полами. Данное различие подтверждается на лексическом и композиционном уровнях сказок, несмотря на их общее происхождение, сюжетное сходство и откровенно назидательный характер. Другим различием следует считать отношение к ошибкам как к необратимой цепочке действий у французов (трагический финал сказки) и возможность «работы над ошибками» у немцев (счастливая развязка). Данные факты свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований в области анализа дискурса волшебных сказок и его ключевых концептов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Илиева, Д. И. Ядро концепта «власть» и его приядерная зона со смысловым концептом «подчинение» сквозь призму болгарских паремий [Электронный ресурс] / Д. И. Илиева // Кибер-Ленинка. – 2011. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-kontseptu-vlast-i-ego-priyadernaya-zona-so-smyslovym-kontseptom-podchinenie-skvoz-prizmu-bolgarskih-paremy>. – Дата доступа: 29.04.2023.
2. Колесникова, И. Е. Особенности понятия «покорность» в украинской и английской лингвокультурах (на примере фразеологических единиц, выражающих черты характера человека) / И. Е. Колесникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66) : в 4 ч. – Ч. 3. – С. 116–118.
3. Толстик, С. А. Понятие «покорный» в истории русинского языка / С. А. Толстик // Русин. – 2022. – № 68. – С. 236–250.
4. Götz, D. Langenscheidt Power Wörterbuch Deutsch / D. Götz, H. Wellmann. – Berlin : Langenscheidt. – 2009. – 1122 S.
5. Le Robert [Ressource électronique]. – Mode d'accès: <https://dictionnaire.lerobert.com>. – Date d'accès: 22.04.2023.
6. Гримм, Я. Полное собрание сказок и легенд в одном томе / Я. Гримм, В. Гримм ; под ред. Е. Назаровой. – М. : Э, 2018. – 832 с.
7. Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm // Universitäts- und Landesbibliothek Düsseldorf [Elektronische Ressource]. – 2010. – Zugangsregime: <http://digital.ub.uni-duesseldorf.de/ihd/content/structure/159822>. – Zugangsdatum: 21.04.2023.
8. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.
9. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 976 с.
10. Frey, D. Psychologie der Märchen / D. Frey. – Berlin : Springer-Verlag, 2017. – 344 S.

11. Коваль, В. И. Текст и язык: поиски истоков / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2012. – 270 с.
12. Перро, Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / Ш. Перро. – М. : Правда, 1986. – 288 с.
13. Геннис, И. В. Лучшие французские сказки / адапт. текста И. В. Геннис. – М. : АСТ, 2020. – 320 с.

Поступила в редакцию 04.09.2023

E-mail: aleksasch-94@yandex.by

A. Shakola

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT «OBEDIENCE» IN GERMAN
AND FRENCH VERSIONS OF THE FAIRY TALE «LITTLE RED RIDING HOOD»

The article is aimed at identifying the similarities and differences in German and French linguistic cultures by means of the analysis of lexical representation of the concept «obedience» in the fairy tale «Rotkäppchen» by the brothers Grimm and in the fairy tale «Le Petit Chaperon rouge» by C. Perrault. The concept «obedience» plays an important role in fairy-tale discourse. The study revealed the following pattern: in the German version of the fairy tale «Little Red Riding Hood», the concept of «obedience» (Gehorsamkeit) is presented in a larger lexical content than the similar French concept (obéissance) in the version of C. Perrault; the reflection of the concept in the German text is clearly explicit. In addition, there is a shift in emphasis on the concept «decency» (bienséance) in the French version of the fairy tale.

Keywords: concept; lexical representation; fairy-tale discourse; obedience; decency.